

Сцена замерла, словно кадр из киноленты, ни один человек не мог сразу осознать произошедшее.

Взгляд Лин Си сквозь толпу мгновенно нашёл сидящего на стуле Хо Цзюя. В глазах мужчины, глубоких как тёмные пруды, скользнула тень удивления, а затем вспыхнули звёздные искры - мерцающие и яркие.

Он не ожидал, что Лин Си без колебаний придёт за ним. Хо Цзюй считал, что, покидая гору вместе с деревенскими, он лишь даёт Лин Си право выбора: сто лян серебра - сумма астрономическая для простого человека. И хотя Лин Си обещал помочь с лечением, после его ухода мог бы просто забыть об этом, не тратить силы и не гоняться за невозможным.

Но по скорости возвращения Лин Си Хо Цзюй понял - тот, вероятно, только что прибыл из уезда, обнаружил разграбленный дом и тут же без колебаний бросился вниз, не потратив ни секунды на размышления. В душе у Хо Цзюя словно перевернули бутылочку с пряностями - в ней смешалось солёное, сладкое, горькое, кислое.

— Ты! Ты все еще жив?! — чей-то испуганный голос, словно удар грома, разорвал тишину в комнате.

Деревенский староста, до этого застывший, будто восковая фигура, медленно выдохнул, его колени всё ещё слегка дрожали. Когда он заговорил, голос его был хриплым и дрожащим:

— Т-твоя странная болезнь... она ведь... не заразна, правда?

Услышав вопрос старосты, все члены семьи Хо словно одновременно вспомнили, что этот молодой человек - тот самый гер, что был когда-то брошен в горы из-за неизвестной болезни. Их лица побледнели. В ужасе они, трясась от страха, шаг за шагом начали отступать от Лин Си как можно дальше, будто тот - сама чума.

Лин Си безмолвно наблюдал за их реакцией:

— Если я скажу, вы и правда поверите?

На лице старосты мелькнула неловкость, он театрально откашлялся, стараясь сохранить достоинство:

— Ну ты всё ж таки расскажи сначала...

Лин Си не собирался скрывать - в том, что они посчитали "чудовищной заразой", не было ничего загадочного. Он лишь намеренно опустил часть подробностей:

— Это не заразно. У нас на родине такая лихорадка - обычное дело. Стоит выпить местный отвар, как температура спадает. В тот день я просто не успел его принять, вот и пылал, как дрова.

Поскольку Лин Си говорил на смеси местного наречия и официального языка, Хо Цзюй молча взял на себя роль переводчика, пересказывая смысл деревенскому старосте.

Староста, выслушав, выглядел поражённым. В его представлении то, что описал Лин Си, звучало сродни волшебству. Хотя... он и раньше слышал, что в дальних краях бывают странные люди и обычаи. Например, в одной деревне у всех с рождения кожа белая, словно снег, а глаза цвета небес. Когда туда прошли торговцы, они едва не перепутали местных с горными духами. Или, бывало, в другом селе у каждого, от старика до младенца, шея была опухшей, будто глотнули глину. Тогда деревенская шаманка заявила, что то место проклято, и чтобы изгнать зло, надлежит ежедневно читать мантры и приносить жертвы.

Так что... может и правда не заразное.

— Он что, не понимает нашу речь? — староста, заметив, что Хо Цзюй переводит слова Лин Си, с подозрением повернулся к нему с вопросом.

Хо Цзюй кивнул:

— Угу. Он говорит на официальном языке Да Шэна, но почти не понимает наш местный говор.

Старосту словно ударило молнией - глаза расширились, лицо озарилось внезапным прозрением:

— Так вот почему его речь казалась мне смутно знакомой!

Оказалось, Лин Си действительно говорил на гуаньхуа - официальном языке империи. Староста в молодости учился в уезде, носил титул сюэя, но экзамены всё проваливал, так и остался в селе. Со временем, погрязнув в деревенских хлопотах, да в бесконечных сплетнях о соседях, он совсем забыл официальный язык.

Теперь всё становилось ясно - Лин Си вовсе не был прокажённым, не страдал никакой заразой. Его странное поведение объяснялось языковым барьером, а они, целая деревня, просто взяли и выбросили беззащитного, больного гера в дикие горы, как мусор.

Староста почувствовал, как холодный пот скользнул по хребту. Да это ж грех на весь род, позор, не иначе.

Он тихо пробормотал:

— Ай, всё из-за того, что сам я дурак... Учил бы в своё время хорошо гуаньхуа, глядишь, и не довели бы до такого...

— Староста, да ты не слушай, что он тут один говорит! — громогласно воскликнула первая тётка (старшая невестка), нарушив едва начавшую было рассеиваться напряжённость в воздухе. — Кто ж признается в том, что у него болезнь?

По комнате сразу же раздалась перешёптывания:

— Ага-ага, не может же быть всё так, как он сам рассказывает. А если он мстит нам?

— Да... — кивнул кто-то, — это ведь вся наша деревня под угрозой. Нельзя так легкомысленно верить первому встречному.

Речь шла о жизни и смерти, страх вновь овладел людьми, и они, как по команде, начали медленно пятиться и переглядываться.

И в этот момент в комнате вдруг раздался холодный, но спокойный голос:

— Я с ним всё это время жил под одной крышей, ел с ним за одним столом. До сих пор жив-здоров. Если бы у него и вправду была какая зараза, я бы умер первым.

Голос Хо Цзюя не был громким, но звучал твёрдо, как молот по наковальне, и все моментально замолкли, не в силах найти, что возразить. Все вдруг осознали: да, он ведь с ним живёт, и давно. Значит, если бы Лин Си был болен, Хо Цзюй давно бы слёг, но тот перед ними сидел живее всех живых, пусть и с повреждённой ногой.

Тут старшая невестка подалась вперёд и презрительно шепнула своей невестке:

— Ты слышала, что он сказал, как вошёл? Он же себя назвал супругом далана! Какой бесстыжий гер, фу!

Старшая невестка вовсе и не пыталась говорить шёпотом, поэтому Чжао Сюцзюань прекрасно всё услышала. Лицо её помрачнело, и она, глядя на Лин Си, резко заговорила:

— Молодой человек, я понимаю, как тяжело жить одному, когда рядом нет мужской опоры. Твое желание найти такого понятно и простительно. Но мы - честная семья, наш далан ещё не вступал в брак, а ты ведь уже был помолвлен с парнем из семьи Чжан, так что по всем правилам не может один гер служить сразу двум мужьям.

Под внешней заботой в её словах явно чувствовалось отвращение, мол, что за позорный гер, чуть не вышедший замуж, теперь вдруг решил прибиться к их сыну. Любой другой гер на месте

Лин Си сгорел бы от стыда, и уж точно не осмелился бы больше заикнуться о браке с Хо Цзюем.

Но Лин Си был не гер, а мужчина, и даже если бы был, вряд ли поддался бы на такую дешёвую моральную атаку.

Все остальные в доме предпочли промолчать, с интересом уставились на Лин Си, будто ждали, а как он теперь выкрутится? А Лин Си не спешил отвечать. Он слегка наморщил лоб, будто действительно призадумался, а на его лице появилось что-то похожее на сомнение. В глазах Чжао Сюцзюань это выглядело как признание поражения, будто её слова попали в цель, и теперь этот «наглый гер» вот-вот ступит и отступит.

Она незаметно улыбнулась, уголки губ самодовольно поползли вверх.

Она была полна решимости держать брак старшего сына в своих руках. Такого упрямого, не поддающегося влиянию гера, как Лин Си, она бы ни за что не пустила в дом. А уж если вспомнить его дурную репутацию, то и вовсе нельзя, вдруг это бросит тень на будущие браки её детей, Инъин и Сяо Жуна?

Хо Цзюй с первого взгляда понял, что Лин Си, услышав поток слов от Чжао Сюцзюань, ни черта не понял. В его глазах появилась насмешливая тень улыбки. Лин Си почувствовал это, поймал его взгляд и приподнял бровь, явно намекая: «Ну? Переводи давай». А Хо Цзюй сделал вид, что ничего не понял, отвернулся. Лин Си сжал кулаки - хотелось двинуть этому «переводчику».

Атмосфера в комнате становилась странно напряжённой и неловкой. Самодовольная Чжао Сюцзюань вдруг заметила, как эти двое совершенно нагло... флиртуют у неё перед глазами! Да ещё никто её слова и всерьёз не воспринял!

У неё в груди как будто что-то встало поперёк - ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Кхм! — сдвинул брови деревенский староста, тоже заметив, как переглядываются Лин Си и Хо Цзюй, — Мужик есть мужик, Хо-далан, давай уже скажи свое слово?

Но Хо Цзюй не успел открыть рот, как его отец, Хо Юндэн, выступил с резким заявлением:

— Вопрос брака - это решение родителей, с благословения старших и через сваху! С какого это он теперь может сам что-то решать?! Я решительно против! Этот гер, кто знает, кто он вообще такой! С чего бы вдруг нам его в семью пускать?! Да он же уже обручен с парнем из семьи Чжан! Какой ещё брак с моим сыном?!

В его голосе было всё - отвращение, подозрение и злость, и, судя по настроению в доме, поддерживающие его взгляды были не у него одного.

Хо Юндэн выпучил глаза и яростно ткнул пальцем в Лин Си, как в преступника:

— А ну марш в дом Чжан! К Чжан Баошуню, он тебя любит, каждый день зовёт своим фуланом, бредит тобой! А про моего сына забудь! Ни за что мы тебя в дом не пустим!

Лин Си был высокий, с тонким телосложением, явно уставший после дороги - волосы растрёпаны, на белоснежной, словно фарфоровой, коже в лунном свете выступал лёгкий прозрачный отблеск. Он один, стоя в дверях, противостоял крикам и обвинениям, и всё же оставался холоден и спокоен. Вечерний ветер трепал его одежду - рукава и подол оказались рваными, видимо, зацепил по дороге с гор. Всё это придавало ему какую-то хрупкую трагичность, словно упавший с гор снег, или разбитая луна, тонущая в озере.

ГРОХ!

Вдруг резкий удар сотряс дом,

Хо Юндэн вздрогнул, как от выстрела, и инстинктивно схватился за голову, будто крыша вот-вот рухнет. Щепки посыпались, чашка с чаем упала на пол и расплескала воду.

Глаза старосты деревни едва не выпали наружу, шея вжалась в плечи, тело застыло, и он в ужасе обернулся... на Хо Цзюя, не веря своим глазам.

Он... он даже глазом не моргнул, просто одной ладонью раздробил чайный стол!

Этот стол, между прочим, их зять смастерил только в прошлом году из цельного, добротного дерева, а теперь вот - в щепки, одним лёгким ударом!

Староста с трудом сглотнул слюну. Похоже, Хо-далан не зря прошёл войну, от него исходило жуткое боевое давление, настолько сильное, что на него и смотреть-то прямо страшно. И правда... Он ведь убивал на поле боя, разве он теперь позволит обращаться с собой, как десять лет назад?

— Мы уже поклонились небесам! — спокойно солгал Хо Цзюй.

Если бы Лин Си не был вторым участником этого "бракосочетания", вполне бы можно было поверить.

— Чего?! Нет! Это не считается! Без поклона родителям не считается, не считается! — взволнованно воскликнула Чжао Сюэцзюань, напрочь забыв о том, с какой мощью её старший сын только что разбил стол.

Взять в дом непонятно кого, с подмоченной репутацией? Да это ж опозорить весь род! Её сын

Жун-эр ещё собирается сдавать экзамены на государственного учёного! А для этого важнее всего доброе имя семьи.

Хо Цзюй не обратил внимания на её слова и повернулся к деревенскому старосте:

— Староста, теперь у меня есть супруг, который может заботиться обо мне, раз уж мои ноги плохо ходят. Надеюсь, вы поможете мне с разделом имущества.

Услышав, что Хо Цзюй снова заговорил о разделе, лицо Чжао Сюцзюань болезненно дёрнулось. Раньше она отказала под предлогом, что он не женат и о нём некому заботиться, теперь же этот аргумент был полностью опровергнут, и ей больше нечего было возразить. Чжао Сюцзюань злилась до скрежета зубов. Хо Цзюй - высокий и крепкий, куда сильнее Хо Чанъаня, настоящий работяга. Кто знает, сколько пользы он ещё мог бы принести.

Хо Юндэн был бродячим торговцем. Раньше он с её подачи занялся торговлей и сумел заработать немного денег, на которые и был выстроен кирпичный дом с черепичной крышей. Во всей деревне Линшуй такие дома были только у их семьи да у старосты, не говоря уж о том, сколько зависти это вызывало. Но с возрастом Хо Юндэн стал сдавать, уже не мог зарабатывать как раньше, и денег становилось всё меньше. Приданое для Инъин, учебные расходы Жун-эра - одним Хо Юндэну и Хо Чанъаню тут было не справиться.

Чжао Сюцзюань не могла больше уговаривать и подтолкнула локтем Хо Юндэна. Тот, словно очнувшись, вдруг понял, что сам испугался собственного сына, и в ярости, не сдержавшись, выпалил:

— Раздел имущества? Хорошо, хочешь раздел - будет тебе раздел! Но за эти десять лет ты ни гроша не принёс, ничего для семьи не сделал, и делить тебе нечего. С этого дня будешь каждый месяц платить по пятьсот вэнь - это за содержание меня и твоей матери!

Хо Юнфэн и староста одновременно нахмурились - ну и отец из этого Хо Юндэна, неудивительно, что сын с ним не близок. Не только не дал ни гроша при разделе, ещё и осмелился требовать деньги, да ещё и пасть раскрыл на целых пятьсот вэнь!

Хо-далану раны не позволяют даже встать с постели, не то что пойти на пристань мешки таскать. К тому же ему нужны деньги на лекарства. Даже если со временем его внешние раны затянутся, одна нога у него останется хромой, без дома, без земли он и поесть-то себе с трудом добудет. Откуда ему взять пятьсот вэнь, чтобы платить Хо Юндэну?

— Второй брат, как бы там ни было, далан - твой сын. Он десять лет служил в армии, защищая страну. Какие бы обиды ты на него ни затаил, ты обязан вести себя как отец, — Хо Юнфэн строго нахмурился, выражая своё неодобрение.

Староста подхватил:

— Старший Хо говорит дело. Совсем ничего ему не дать - это уж чересчур. А требовать с него деньги на содержание и вовсе ни в какие ворота. Вы с женой ещё не настолько стары, чтобы не могли работать.

Под давлением старшего брата и старосты, какими бы недовольными ни были в душе Хо Юндэн и Чжао Сюэцзюань, им пришлось, словно проглотив горькую пилюлю, всё стерпеть и молча смириться.

Поскольку Хо Юндэн настаивал, что Хо-далан не внес ни малейшего вклада в семью, остальные трое детей - Хо Чанъань не женат, Хо Ин не выдана замуж, а Хо Чанжун готовится к экзаменам на учёную степень - всем им нужны деньги. Если при разделе имущества Хо-далану достанется слишком много, остальным придётся питаться северо-западным ветром.

Землю делить они не хотели - это ухоженные пашни, за которыми заботливо следит Хо Чанъань. Дом делить тоже не желали - сыновьям ведь жениться надо, и так тесно, а если ещё и отдать часть, то где тогда жить? Сбережений в доме почти нет, только что внесли плату за обучение Хо Чанжуна.

Староста так рассердился, что аж борода затряслась и глаза вылезли из орбит:

— Ну так ты скажи, что ты вообще готов ему отдать?

Хо Юндэн отвёл взгляд и пробормотал:

— Сказал же, ему ничего не положено.

Тяжело дыша от злости, староста перевёл взгляд на Хо Юнфэна. Тот, покуривая бамбуковую трубку, молчал и даже не думал вмешиваться. С тех пор как умерли родители братьев Хо Юндэна и Хо Юнфэна, они разделили имущество и стали двумя отдельными семьями. В народе говорят: старший брат как отец, но, в конце концов, это дело младшего брата, и пока не прижмёт окончательно, Хо Юнфэн всегда предпочитает не высказываться.

Атмосфера в доме застыла, словно налитая свинцом, все замерли в напряжении: младшие боялись вымолвить слово, старшие делали вид, будто обдумывают что-то важное.

Вдруг снаружи раздался жуткий вой и истошные крики, прокатившиеся по деревне в ночной тишине, как удар грома:

— Спасите!

— Спасите!!!

— Люди! На помощь!!!

Все в доме тут же забыли о разделе имущества и один за другим высунулись за порог, вытягивая шеи. Хо Юнфэн с несколькими мужчинами поспешно бросились за старостой, в сторону, откуда доносились крики.

Старшая невестка побледнела, как полотно:

— Мне... мне показалось, что я слышала волчий вой.

Оставшиеся женщины и дети в доме в ужасе съёжились, будто испуганные птицы:

— Кажется, кричат со стороны дома Чжана Дакуя...

Хо Цзюй незаметно повернул голову и посмотрел на Лин Си. Тот уже смотрел на него. Всего один взгляд, и всё стало ясно без слов. Лин Си приподнял уголки губ, он не ошибся, этого мужчину недооценивать нельзя. Он думал, что с Да Хуэй и остальными провернул всё скрытно, бесшумно, но, похоже, тот уже давно всё понял.

Юноша беззвучно шевельнул губами, показывая Хо Цзюю:

— Пойдём, покажу тебе хорошее представление.

Хо Цзюй сдвинул брови, суровый взгляд потемнел: этот мальчишка опять что-то задумал. Он вздохнул и, не говоря ни слова, протянул руку к стоящей рядом трости.

В доме старосты остались лишь женщины и дети. Даже Хо Юндэн, с его толстокожестью, больше думал о том, как бы не стать жертвой волков. Никто не заметил, как двое мужчин бесшумно покинули дом, неспешно направившись в сторону жилища Чжан Баошуня.

Лунный свет расстился по тропинке между полей, словно серебряное покрывало, сотканное богиней. Между двумя путниками царил тишина. Слышался только шелест ветра в высокой траве. Спустя долгое молчание Хо Цзюй, будто собравшись с мыслями, произнёс, не глядя на спутника:

— Почему ты пришёл за мной?

Лин Си удивлённо поднял глаза. Всё, что он увидел - остро очерченный подбородок мужчины. Его черты были мужественными и чёткими, в них читалась доблесть и стойкость воина, но взгляд был холодным, острым, как у хищника, спокойный, но сдерживающий опасность - этот человек внушал уважение и страх одновременно.

Не дождавшись ответа, Хо Цзюй повернулся и встретился с глазами Лин Си - в них отражалось искреннее недоумение.

- Если я уйду, ты как раз станешь свободен, без долгов.

Эти слова, сказанные Хо Цзюем, вдруг стали для Лин Си озарением. Он честно посмотрел на мужчину и сказал:

— Хотя твоя выносливость, скажем так, оставляет желать лучшего, но на данный момент я ещё не нашёл кого-то, кто подошёл бы лучше тебя. Не беспокойся насчёт денег, я сам заработаю достаточно, чтобы поставить тебя на ноги. К тому времени, надеюсь, ты тоже сможешь быть полезным.

Он говорил всё это так буднично, как будто просто сообщал о планах на завтра. Пройдя уже с десяток шагов, Лин Си вдруг заметил, что Хо Цзюй даже не шелохнулся. Обернувшись, он увидел, как мужчина застыл в двух шагах позади него, словно высеченная из камня статуя. Его лицо было мертвенно-бледным то ли от лунного света, то ли от внутреннего потрясения, но выглядел он в этот момент ужасающе.

Лин Си не знал, что в душе у Хо Цзюя только что произошёл настоящий переворот. Он подошёл ближе и в недоумении помахал рукой перед его лицом:

— Эй, ты чего застыл?

Хо Цзюй медленно, с неестественной скованностью повернул голову, как марионетка на нитях:

— Это... это из-за твоей странной болезни?

Лин Си не стал скрывать. В будущем ему ещё понадобится помощь Хо Цзюя, так что смысла лгать не было:

— Да. Наверняка ты задавался вопросом, откуда у меня такая сила. У нас, в моём краю, те, у кого есть такие особенности, однажды проходят через лихорадку, от которой невозможно избавиться. Мы называем это... прилив жара.

— Прилив жара ... — Хо Цзюй впервые слышал подобное выражение.

— Да, — спокойно продолжил Лин Си, словно говорил не о себе. — Чем сильнее способности, тем разрушительнее последствия. Если не сдерживать «прилив жара», мы теряем контроль. Постепенно превращаемся в безумных зверей, лишённых рассудка... и в конце концов умираем.

Зрачки Хо Цзюя дрогнули, внутри будто взметнулась буря, словно кто-то ударил по скале волной. Это было похоже на страшный яд... или древнее проклятие, закованный в теле убийственный дар, подвластный лишь сдерживающему зелью. Лин Си обладал пугающей силой и странным, почти нечеловеческим боевым искусством - теперь всё стало на свои места. За всем этим стояла страшная цена.

Он сам не заметил, как у него перехватило дыхание.

— Есть... противоядие? — Хо Цзюй повернулся к нему, с трудом находя слова.

— Противоядие? — Лин Си удивился самому термину, задумался на секунду, а потом покачал головой. — Нет. Прилив жара невозможно вылечить. Его можно только подавлять. Я перед уходом... э... как бы это сказать... только что принял лекарство, сдерживающее прилив. Думал, скоро вернусь и потому не взял запас. Кто знал, что очнусь уже в доме семьи Чжан, прямо во время прилива. Пришлось... искать тебя.

Вопрос, долго терзавший Хо Цзюя, наконец обрёл ответ. Лин Си тогда, будто одержимый, без устали и удержу требовал близости, не различая дня и ночи, и действовал совсем не как нормальный человек. А после как будто по щелчку всё прекратилось. Хотя и спали они по-прежнему рядом, больше он к нему не прикасался.

Оказалось, Лин Си не был развращённым юнцом, что поддался страсти и стал вором невинности. Он просто... боролся за жизнь.

Сложив в уме все кусочки мозаики, Хо Цзюй замолк. Его взгляд скользнул вниз, на юношу рядом: чистые, светлые глаза, ясная улыбка, чуть тонковатая фигура. Восемнадцатилетний парень. Плечи ещё не успели вырасти до взрослой крепости, а уже прошёл через огонь и смерть.

Сам он - мужчина, закалённый на поле боя, не раз смотревший смерти в лицо. Его не проняли ни мечи, ни копья, ни стрелы... Но этот юный росток, пробившийся сквозь камень, сумел тонко уколоть его прямо в сердце.

— Когда следующий... «прилив»? — спросил он с хрипотцой в голосе.

— А? — Лин Си удивился, что тот спрашивает именно об этом. Подумал секунду и, слегка нахмурившись, ответил: — Через три месяца... наверное. Точно не знаю. Срок зависит от состояния тела, он может меняться.

Хо Цзюй кивнул. Как раз доктор Лю велел ему воздерживаться от секса три месяца, за это время нужно будет восстановить здоровье и укрепить тело. Он твёрдо решил: больше Лин Си его не засмеёт.

— Хорошо.

Лин Си склонил голову набок, в глазах отразилось недоумение:

— Хорошо что?

Хо Цзюй бросил на него мимолётный взгляд и спокойно сказал:

— Я помогу тебе.

Оказалось, он согласился помочь пройти через следующий приступ жара. В глазах Лин Си тут же вспыхнул радостный огонь. Он подскочил к Хо Цзюю и начал тараторить без остановки:

— Вот это отлично! Слушай, у тебя дома случайно нет “карты усмирения огня”? Если нет, в следующий раз, как поеду в уезд, куплю несколько. А то, знаешь ли, хорошо, что я сам крепкий и живучий, нормальный бы человек после такого давно сдох! Тебе бы поучиться, опыта поднабраться... Или, может, вместе поразбираемся? Главное не стесняйся! Всё дело в усердной практике, без неё никуда! А я вот, например, не хочу снова потом ходить с больной задницей...

Лицо Хо Цзюя потемнело, словно небо перед бурей. Вся былая жалость к Лин Си в один миг испарилась. Он сжал кулаки, по рукам прошли вздувшиеся жилы, и сквозь зубы процедил:

— Лин. Си.

Даже вечно не чувствующий обстановку Лин Си на этот раз понял: Хо Цзюй очень зол. Он послушно захлопнул рот, хотя так и не понял, на что тот злится.

Они неспешным шагом добрались до дома Чжан Баошуня. Картина перед ними предстала чрезвычайно хаотичная, атмосфера была напряжённой. Все вокруг сжимали в руках самое острое оружие, что только нашлось дома, - у кого-то серп, у кого-то тесак или кухонный нож. Лица суровы, боевой порядок выстроен, но решимости ни на грош.

Родители Чжан Баошуня скорбно повалились на землю, с ужасом уставившись на своего бледного как смерть сына, замершего под лапами волка.

— Спасите! Спасите нашего сыночка! — закричали они с мольбой.

Семья Чжан в отчаянии взывала к сельчанам, подгоняя их действовать. Но перед ними был не обычный волк, а существо, гораздо крупнее сородичей. Опытный охотник дядя У посмотрел внимательно и прошептал:

- Это волчий вожак...

Обычного волка они с трудом могли бы одолеть, но с вожаким лучше даже не пытаться. Неважно, кто что держал в руках, мотыгу или нож, ноги у каждого тряслись от страха, и каждый мечтал только об одном: поскорее убраться подальше.

Чжан Баошунь хотел было закричать о помощи, но испугался спровоцировать чудовище сверху. Слезы и сопли текли ручьём, он в отчаянии смотрел на толпу в поисках поддержки и в ответ встречал лишь испуганные взгляды, не менее жалкие, чем его собственный.

Словно камнем в бездонный омут, его сердце моментально ушло в холодную пустоту. Он не хотел умирать. Он не должен умирать. Он ведь ещё не вкусил прелестей жизни с красавцем супругом!

— П-по... пощади... — Чжан Баошунь инстинктивно начал умолять, дрожащим голосом едва выговаривая слова. Но, встретившись с мрачным, устрашающим звериным взором, мгновенно замолчал.

Какой смысл говорить с бездушным зверем? Волк не поймёт человеческой мольбы, все решит лишь его прихоть: съест он его или нет.

Отчаяние, страх, паника - всё это сгустилось в его голове, парализуя разум. Всё тело Чжан Баошуна тряслось мелкой дрожью, а по лицу, ещё не обсохшему от слёз, снова потекла новая влага. Ночной ветер налетел порывом, унося с собой едкий запах испуга - он обмочился. Зловоние тут же распространилось по округе, вызвав у окружающих гримасы отвращения. Кто-то невольно шагнул назад.

Натянутая до предела психика Чжан Баошуна лопнула, как струна. Стоило людям сдвинуться с места, как он взорвался изнутри, ведь в его восприятии это было не отвращение, а окончательное предательство. Он задрал голову, раскрыв рот в беззвучном крике, - грязный, перепуганный, с искажённым от ужаса лицом, он выглядел до нелепости жалко.

— Спасите! Я не хочу умирать!

«Бах!» — огромный волк, будто раздражённый его воплем, лениво взмахнул лапой и с хлестким звуком опустил её на затылок парня. Голова Чжан Баошуна вмялась прямо в землю. Звук был глухим, тяжёлым, по нему сразу было ясно: зверь не пощадил.

Мгновение тянулось мучительно, воздух застыл, и вдруг раздался пронзительный женский вопль:

— Баошунь!!!

Это кричали его мать и тётка, две женщины, которые берегли его как зеницу ока. Их лица побелели, как пепел.

— Рррр-а-у! — волк резко повернул голову и оскалился в их сторону. Мужья обеих тут же бросились и зажали им рты, страшась, что следующими зверь набросится именно на них.

— Староста... что делать? — бледный как смерть дядя У, продравшись ближе, спросил приглушённым голосом.

Лицо старосты то белело, то зеленело, он сам бы с радостью спросил у кого-нибудь, что делать.

— Может, попробовать отвлечь волка свежим мясом?

Дядя У поразмыслил и осторожно сказал:

— По правде говоря, мне кажется, этот волчий вожак пришёл не ради еды... Больше похоже, что он нарочно играет с людьми. Волчьи короли умнее обычных волков, возможно, он вовсе и не собирается никого убивать.

Староста бросил на него косой взгляд, в глазах было сомнение:

— Ты уверен?

— Процентом на пятьдесят-шестьдесят, — дядя У едва заметно кивнул.

Натянутое до предела напряжение в теле старосты слегка ослабло.

— Может, он просто поиграет вдоволь и уйдёт сам?

— Кто ж его знает, — покачал головой дядя У. Он всё же не был звериным шаманом, чтобы понимать волчьи причуды.

Ночь сгущалась. Всё вокруг затихло, ни звука, ни шороха, страх парализовал толпу. И вдруг, в тишине, прозвучал чистый, ясный голос юноши:

— А я-то всё удивлялся, кто же это днём у меня дома пошарил... А оказывается, вот он, вор! Спасибо волчьему божеству за науку!

Две высокие фигуры пробились сквозь толпу и встали впереди. При свете факелов деревенские жители разглядели: один - это недавно найденный Хо-далан, а второй - тот самый гер, который, по слухам, давно уже должен был сгинуть в горах!

Толпа зашевелилась, на лицах было изумление, волнение, страх. Кто-то, не удержавшись, украдкой посмотрел ему под ноги: тень есть - значит, не призрак.

Вот оно что! Выходит, троица из семьи Чжан всё-таки говорила правду - эти двое и впрямь спутались! Даже перед лицом смерти людское любопытство ничем не унять. У каждого словно кошки на душе скребли, так и хотелось подойти и выспросить всё до последней капли.

Недаром говорят: “красота при свете лампы”. Ночь темна, факелы освещают лишь клочок пространства, и три меры красоты становятся шестью. А если человек и без того прекрасен, то в таком свете его облик просто забываем.

Собрались тут одни мужики, и женатые, и холостые, и все, как зачарованные, не сводили глаз с Лин Си. Почувствовав их жадные взгляды, Хо Цзюй хмуро сдвинул брови и шагнул вперёд, прикрывая юношу собой. Ростом метр девяносто семь, к тому же закалённый годами боевых тренировок, Хо Цзюй стоял, словно крутой горный утёс - высокий, внушительный, непоколебимый. Он заслонил собой Лин Си, чей рост и так был немал - метр восемьдесят, так, что даже волоска за его спиной видно не было.

Мужики в толпе начали коситься с досадой, но, встретившись с холодным и строгим взглядом Хо Цзюя, будто наткнулись на тысячу острых стрел, пронзивших их насквозь. В ту же секунду все, как по команде, отвели глаза, больше не осмеливаясь разглядывать.

Лин Си выглянул из-за его спины и, глядя в сторону деревенского старосты, сказал:

— Этот человек украл вещи из моего дома. Если вы не собираетесь его наказать, придётся просить о помощи волчьего бога.

— Волчьего... бога?!

Взоры деревенских жителей тут же наполнились изумлением. Среди присутствующих были преимущественно люди молодые и среднего возраста. Но если бы здесь оказались старики, они бы точно узнали: в прежние времена, при династии Да Шэн, культ волчьего божества был широко распространён. По легенде, основатель династии Тайцзу был однажды тяжело ранен, спасаясь от врагов в горах. На волосок от смерти он был найден снежно-белым волком, который не только не тронул его, но и выходил, зализал раны. После этого судьба переменилась, Тайцзу вернулся и, победоносно шествуя, объединил страну. С тех пор волк стал священным символом и тотемом Да Шэна.

Однако после трёх поколений случился мятеж Семи принцев. На трон взошёл один из них, по натуре жестокий и своенравный. Ни один сановник не осмеливался ему перечить. Его мать погибла, растерзанная волками, и с тех пор он возненавидел этих зверей до мозга костей. С этого момента в Да Шэне исчезли и тотем, и культ волков, а сами волчьи стаи подверглись поголовному истреблению.

Позднее явилась загадочная женщина с обликом феи, изящная, как плывущее облако, заявив, что она - потомок рода Волчьего бога. Она умоляла императора пощадить волчье племя. Но император не только не внял её просьбам, а ещё и польстился на её красоту, силой затянул женщину во дворец. В ту же ночь его нашли мёртвым в опочивальне. Говорили, что смерть его была ужасной, вся комната залита кровью. Однако история эта превратилась в дворцовую тайну, которую со временем все предпочли забыть.

Староста деревни, как человек учёный, разумеется, слышал о преданиях о Волчьем боге. Однако, как и подобает человеку учёному, он верил в то, что духов и богов следует почитать, но держаться от них подальше. И потому, услышав, как Лин Си в полный голос упомянул Волчьего бога, его по спине тотчас пробежал холодок.

— Ты... ты говоришь, Чжан Баошунь украл у тебя вещи? Что именно он украл? Есть доказательства? — староста уловил в словах Лин Си скрытую угрозу, но всё же не мог поверить, что обычный гер способен управлять самим вожаком волчьей стаи.

Лин Си усмехнулся, слегка приподняв уголки губ, и молча указал на двор дома Чжан, где после визита Да Хуэя всё было перевёрнуто вверх дном: повсюду валялись мешки с рисом и мукой, бутылки с маслом, постельные принадлежности, ткани - всё из имущества, украденного у него.

С самого начала все внимание было приковано к гигантскому волку, кому было дело до того, что там навалено во дворе у семьи Чжан? Но теперь, проследив за направлением, в которое указал Лин Си, все дружно повернули головы. Вот так штука - мешок отборного риса, мешок первосортной белой муки, вяленое мясо дичи, сушёные ароматные грибы, и целый кусок мяса, по виду - оленье нога. У деревенских аж слюнки потекли. Да это ж королевское питание какое-то! Если всё это продать в уездном городе, выручить можно немало серебра.

А кроме еды - наполовину шитая одежда с тонкими, аккуратными стежками, добротные готовые вещи, новые туфли с толстой подошвой, да ещё и несколько выделанных кож.

Мать Чжан Баошуня, Чжао Дунчжи, больше не могла усидеть. Она подскочила и завопила:

— Что значит украли?! Это всё наши вещи! Ты кто такой вообще, чтоб заявлять такое, откуда у какого-то непонятого гера может быть всё это добро?!

Чжан Дакуй получил от жены щипок в бок и поспешно подхватил:

— Точно! Ты разве можешь позволить себе рис да муку? Не выдумывай, не клевети! Если тебе так уж приглянулись эти вещи, возвращайся к нам, веди себя как следует, роди Баошуню побольше сыновей, мы великодушно тебя простим и примем обратно.

Лин Си был ошеломлён беззащитностью семьи Чжан. Он дёрнул уголком губ и показал ледяную, колкую улыбку:

— Я не могу рожать сыновей. Но я могу сделать так, что и у вас их не будет.

Чжан Дакуй с женой не сразу уловили смысл сказанного, а в следующую секунду увидели, как Лин Си повернулся к огромному волку и сказал:

— Мясо, конечно, так себе, но на закуску сойдёт.

И тут на глазах у всех волк разинул окровавленную пасть. Слюна закапала на волосы Чжан Баошуня, а острые, как бритвы, клыки блеснули в лунном свете. У присутствующих не оставалось сомнений: стоит только волку сомкнуть челюсти, от их любимого сыночка останется лишь воспоминание.

— Нет! Не надо!!!

Супруги рухнули на колени перед Лин Си, ноги у них подкосились. Они умоляли, каялись, чуть не плакали кровавыми слезами:

— Просим тебя, пощади Баошуня, не давай волку его съесть! Это он велел нам вернуться в твой дом, когда деревенский староста и остальные ушли! Всё это действительно мы украли у тебя, прости нас, больше никогда не осмелимся!

Они рыдали навзрыд, слёзы и сопли текли рекой, лбы гремели о землю. Остальные присутствующие были ошарашены и от изумления просто онемели. Во-первых, оказалось, что всё это добро и впрямь принадлежит этому геру. Во-вторых, он на самом деле может командовать вожаком волков!

Неужели он и правда потомок легендарного рода Волчьего Бога!?

Староста с яростью ткнул пальцем в сторону семьи Чжан, рука у него дрожала от гнева:

— Опять вы! У вас вечно одни беды, ни дня покоя! Украли чужое и ещё посмели оклеветать! Бесстыдники!

Лин Си подошёл проверить свои вещи. К счастью, он успел вовремя, задержись хоть чуть-чуть, еду бы точно уже успели сожрать.

Опираясь на трость, подошёл мужчина, поднял с земли испачканную одежду, взгляд у него был мрачный:

— Староста, мы только что всё пересчитали - муки и риса не хватает почти половины, несколько кусков мяса пропало, только что сшитую одежду даже надеть не успел, уже испачкали. Ещё и целый отрез ткани исчез.

У Чжао Дунчжи глаза едва не вылезли из орбит: вещи-то они только принесли, к ним и не притронулись, как сразу попали в переделку, с чего бы им чего-то не хватать?

Она открыла рот, собираясь возразить, но вдруг встретилась с острым, как ледяная игла, взглядом с Хо-даланом. Словно кто-то насильно вогнал ей в глотку ядовитую пилюлю, ни звука вымолвить не смогла.

Что именно принадлежало Лин Си, доказать было невозможно. А раз уж он сам, как потерпевший, говорит, что недостача есть, семья Чжан, как воры, обязана поверить на слово. Хоть и хотелось возразить, но молча пришлось проглотить обиду.

Староста принял решение: Чжаны должны возместить Лин Си и Хо-далану ущерб - три лян серебра. Но Чжан Баошунь не так давно стащил семейные сбережения и транжирил их в уезде, и у семьи не осталось ни гроша. В итоге деньги отдала тётка Баошуня, глядя на Лин Си с такой злобой, будто готова была сожрать его заживо.

Сын и невестка Чжао Чунчжи, увидев, как белоснежные серебряные ляны выходят из кошель их матери и перекочёвывают в руки Лин Си, почувствовали, будто кто-то вырезает мясо у них с груди. В обычные дни стоило только заикнуться о лишнем куске, как сразу следовал нагоняй, а тут три лян серебра отдали без колебаний. Даже если прежде они не смели высказывать недовольство, сейчас всё нутро горело от зависти и злости.

Получив деньги, Лин Си незаметно показал Хо Цзюю большой палец: кто бы мог подумать, что этот обычно немногословный, сдержанный и непоколебимый, как гора, человек умеет так лихо водить людей за нос.

Староста с осторожностью обратился к Лин Си:

— Смотри, дело улажено, справедливость восстановлена. Не мог бы ты теперь попросить великого господина волка вернуться в горы и отдохнуть?

Лин Си великодушно показал жест "ОК". Староста и окружающие попытались скопировать жест, все с лицами, полными вопросительных знаков: это что сейчас было?

Лин Си подошёл к Да Хуэю и ласково потрепал его по большой голове:

— Хорошо потрудился. Иди домой.

Да Хуэй с неохотой потёрся мордой о его ладонь, затем, оттолкнувшись лапой от тела Чжан Баошуня, взмыл на крышу дома семьи Чжан. Взглянув на луну, он запрокинул голову и испустил долгий вой:

— Аууууу...

В бескрайней ночи с разных сторон раздалось несколько волчьих завываний, словно в ответ, звонко, протяжно, переключаясь друг с другом.

У обычных людей кровь застыла в жилах. Старики, женщины и дети, спрятавшиеся в домах, в страхе жались друг к другу, дрожа и молясь о скорейшем наступлении рассвета. Мужчины, державшие мотыги и кухонные ножи, внезапно ощутили, будто силы покинули их тела, оружие с грохотом попадало на землю.

— Кто же этот гер на самом деле?

Лин Си и Хо Цзюй на ночь остановились у старосты. На следующий день вся деревня Линшуй проснулась гораздо позже обычного - после вчерашнего ужаса люди поутру всё ещё были в тревожном смятении, ни на что не хватало духу.

— Тётушка Су, у вас лепёшки такие вкусные! — Лин Си за завтраком раз за разом хвалил хозяйку, и та, сияя от удовольствия, наливала ему одну за другой чашки зерновой каши.

— Раз вкусно, ешь побольше, — добродушно приговаривала жена старосты, оглядывая Лин Си с ног до головы. — Такой худенький, надо поправиться, тогда и рожать будет легче. С виду ну прямо загляденье. Только вот рост великоват... Хотя ладно, Хо-далан тоже выше обычного, вы как раз подходите друг другу.

Лин Си ещё не вполне освоил местный диалект, потому не сразу понял, о чём говорит жена старосты. А вот Хо Цзюй, до этого спокойно и молча поглощавший еду, внезапно поперхнулся, отвёл голову в сторону и закашлялся.

Жена старосты с улыбкой похлопала его по плечу:

— Ай, ну что ты, ещё и стесняется! Я ведь правду говорю. Вот поправится у тебя супруг, заведёте с ним деток, вот тогда в доме и будет веселье!

Хо Цзюй стал кашлять ещё сильнее, и даже его смуглая кожа не смогла скрыть багровый румянец, проступивший на щеках.

Услышав ключевое слово «детки», Лин Си сразу всё понял. Оказалось, тётушка Су торопит их завести детей. В самом деле, в какие бы времена ты ни попал, в каком бы обществе ни оказался, а те, кто торопит жениться и рожать, найдутся везде.

Опасаясь, что Хо Цзюй вот-вот закашляется до потери сознания, добрая тётушка Су решила сменить тему:

— Кстати, слышала тут, с утра пораньше, когда ещё темно было, семья Чжан повезла Шуныцзы в уездный город. Говорят, дело серьёзное.

— Да ничего особенного, — Лин Си спокойно переложил солёную закуску себе в чашку. — Пара костей сломана, но до чего-то критического не дошло.

Перед тем как уйти вчера вечером, Да Хуэй наступил так, что не убил Чжан Баошуня, а лишь переломал ему несколько костей. Семья Чжан должна бы за это салют запустить от радости.

Хо Цзюй с такой же невозмутимостью добавил:

— Полежит пару месяцев, подлечится, и всё.

Если бы жена старосты не знала, что у Чжан Баошуня действительно переломаны кости, он плевался кровью и до сих пор в бессознательном состоянии, слушая их спокойные интонации, она могла бы подумать, будто тот просто лёгкую царапину получил.

Ещё вчера староста вернулся домой и рассказал ей, что Лин Си умеет общаться с вожаком волков. А теперь, глядя на него с утра пораньше вблизи, она внимательно приглядывалась: человек, способный так легко говорить о тяжелейших травмах, с такой внешностью, с таким телосложением - в нём точно есть что-то небесное, будто и правда сошёл с гор, как бессмертный.

Если, конечно, не считать его страсть к еде. Щёки у него надулись, глаза сверкают, уголки губ задорно приподняты - как будто он ест нечто такое, чего даже на небесах не попробуешь. Стоит только взглянуть, как он ест, и сердце наполняется теплом и радостью. Ни одна тётка, ни одна бабушка не может остаться равнодушной: хочется броситься на кухню, приготовить ему что-нибудь вкусненькое и откормить, чтобы он стал белым и пухлым.

Вчера, когда разобрались с делом семьи Чжанов, было уже слишком поздно, и все были измотаны, вопрос об отделении между Хо-даланом и остальными пришлось перенести на сегодня.

Всего за одно утро по всей деревне разнеслась весть о том, что Лин Си способен повелевать вожаком волков. Односельчане испытывали к нему одновременно и любопытство, и страх. Кто-то уже положил глаз на его добро, но при этом все испытывали к нему немалый трепет. Конечно, в доме Хо Юндэна тоже слышали слухи о Лин Си. Чжао Сюцзюань как раз и была той, кто позарился на его имущество. Никогда бы не подумала, что этот на вид хилый и тощий гер окажется таким способным, надо придумать, как бы с него содрать побольше.

Дело было среди бела дня, старики деревни ещё бодрствовали, и деревенский староста, хорошо понимая, насколько непросто иметь дело с семьёй Хо, сам выступил инициатором и пригласил всех к себе.

— Ладно, все в сборе. Без лишних слов перейдём сразу к делу, — сказал староста, не желая вновь втягиваться в бесконечные препирательства по поводу раздела семьи Хо. Он сразу предложил обсудить, что конкретно передать старшему сыну Хо-далану.

Чжао Сюцзюань никак не ожидала, что староста настолько явно встанет на сторону Хо-далана. Она ещё надеялась сделать вид, будто вчера ничего не произошло, отказаться от раздела, а если совсем прижмёт, позволить Лин Си войти в семью и таким образом заполучить его имущество. Но теперь все её радужные планы рассыпались в пыль. Ее напудренное лицо всё больше бледнело.

Хо Юндэн в присутствии деревенских старейшин не смел скандалить и молча слушал, как все обсуждают. Чжао Сюцзюань, несколько раз ткнув его локтем в бок, так и не получила от него реакции, в конце концов, разозлилась до того, что наступила ему на ногу.

— Благодарю старосту и всех уважаемых старейшин, — внезапно заговорил Хо Цзюй, привлекая к себе все взгляды, - Все эти годы, что меня не было, Чанъань заботился о семье. Я же действительно ничем не помог и не смею претендовать на семейное имущество.

Супруги Хо, конечно, остались довольны, они решили, что этот парень, наконец, осознал своё место. А вот Хо Чанъань будто окаменел, в его душе поднялась буря. Как это Хо-далан ничего не хочет? Он же всегда гнался за богатством и презирал бедность! Тогда, десять лет назад, он ушёл молча, бросив их, а теперь вдруг возвращается? Только потому, что семья зажила получше, и кто-то теперь может о нём заботиться?

Хо Юндэн довольно ухмыльнулся:

— Вот это по-умному сказано!

Но не успел договорить, как старейшина деревни, крайне недовольный его самодовольством, метнул в него неодобрительный взгляд. Есть у него хоть капля отцовского достоинства?

— Далан, у тебя ведь раны, да и супруг есть. Если ничего не возьмёшь, что вы есть будете, где жить станете? Не стоит ради минутного порыва отказываться от всего, — с добром и заботой в голосе проговорил один из старейшин, человек бывалый.

— Спасибо, дедушка, — Хо Цзюй ответил спокойно, без высокомерия, но и без подчинённости.

— Решение моё окончательное, прошу вас благословить.

Старик тяжело вздохнул и махнул рукой:

— Ладно, ладно, как хочешь.

Супруги Хо были вне себя от радости, уголки их губ уже едва не касались небес, в мыслях они не переставали ругать Хо-далана за то, какой он дурак.

Но «дурак» внезапно сменил тон, повернувшись к ним и спокойно произнёс:

— Когда я увольнялся из армии, мне выдали тридцать лян серебра в качестве пособия. Десять лян я потратил на дорогу и оплату провожатого, который привёз меня обратно в деревню. Пять лян отдал матери как вклад в общее хозяйство.

Как будто предчувствуя, к чему он ведёт, Чжао Сюцзюань ощутила, как сердце поднимается к горлу, и, не замечая того, до крови прикусила губу. Хо Чанъань распахнул глаза от изумления и уставился на старшего брата, будто не узнавая. Мама же говорила, что старший брат только и делает, что ест на халяву...

У него в голове загудело, всё плыло перед глазами, и он какое-то время не знал, кому верить.

— Остальные пятнадцать лян я спрятал в щели под кирпичом, что под полом моей кровати. Прошу отца с матерью разрешить мне вернуться в комнату и забрать их.

Сегодняшнее разбирательство по разделу имущества проходило, как водится, в главном зале дома Хо Юндэна, и снаружи толпилось немало деревенских - посмотреть, что к чему. Услышав, что Хо Цзюй получил тридцать лян от армии, каждый из собравшихся раскрыл глаза от изумления - тридцать лян! Да многие за всю жизнь столько не видели.

Некоторые женщины и мужья вполголоса перешёптывались:

— Хо-далан отдал пять лян, а Сюцзюань всё твердит, что он и гроша не дал, только ел и спал!

— Да это же деньги, что он своей жизнью выстрадал, целых пять лян! А она - ни словечка!

Чжао Сюцзюань была не глухая и ясно слышала шепотки вокруг. Все эти взгляды были как иглы, впивающиеся в кожу, заставляя её корчиться от неловкости. Лицо ее побледнело, как мел.

Даже Хо Юндэн обернулся к ней с упрёком:

— Ты же говорила, что он припрятал пособие?! Он дал тебе пять лян, а ты даже мне не сказала?!

Оказалось, Чжао Сюцзюань утаила не только от сельчан, но и от собственного мужа. Если бы Хо-далан сам не заговорил, эти пять лян она, скорее всего, просто бы присвоила. И тогда никто бы ничего не узнал, а люди продолжали бы поносить Хо-далана, мол, бессовестный, сидит на шее у родных.

Имевшая в деревне репутацию честной женщины, Чжао Сюцзюань теперь оказалась в центре шквала осуждающих взглядов, и ей хотелось провалиться сквозь землю. Хо Цзюй и внимания не обратил на то, как она краснеет от стыда, а, опираясь на трость, направился к выходу. На глазах у всех он зашёл в обветшалую кладовку.

— А? Это же сарай, где хлам хранят...

— Там что, можно жить? Разве Чжао Сюцзюань не говорила, что каждый день ухаживает за Хо-даланом, ни на минуту от него не отходя? Как же тогда больной оказался в кладовке?

Вопросы сыпались один за другим, будто наваждение гремело в ушах.

Сельский староста и старейшины деревни сидели с лицами мрачнее тучи. Хо-далан, в конце концов, был воином, сражавшимся за страну, человеком, которого где бы он ни оказался, простые люди встречали бы с уважением и почётом. А дом... дом должен был стать для него самым тёплым, надёжным местом. А вместо этого превратился в логово, где его истязали.

Старики настолько расвирепели, что у них затряслись руки, а трости громко застучали о пол. Один из них не выдержал, вскочил с места, глаза налились кровью, и он взревел:

— Слеп ты, Хо Юндэн! Слеп и глуп! Кто же так обращается с родным сыном?!

Хо Юндэн втянул голову в плечи, под гневными взглядами украдкой бросил взгляд на Чжао Сюцзюань, и озлобился еще больше. Ведь именно она сказала ему, что старший сын не принёс в дом ни гроша. Если бы не она, он бы не заставил сына ютиться в сарае!

Тем временем, заглянувшие в кладовку деревенские начали выкрикивать один за другим:

— Пятнадцать лян пропали!?

<http://bllate.org/book/13580/1204866>